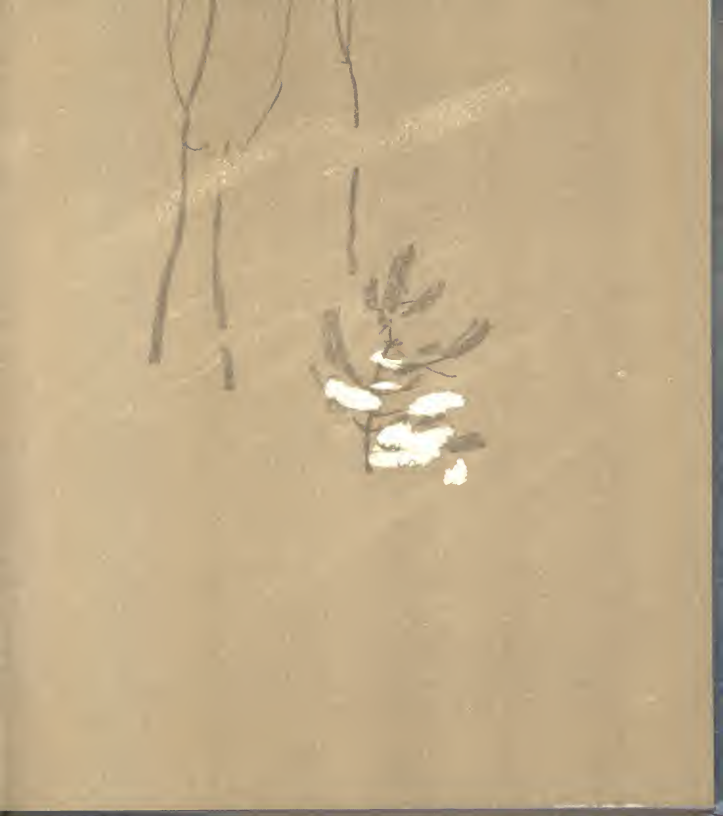

ЮРИЙ
ЯКОВЛЕВ
ДОРОГА
В
СОКОЛЬНИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
1984

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

ДОРОГА В СОКОЛЬНИКИ

Рисунки Н. Лямина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1984

В книге описан один день из жизни Владимира Ильича Ленина — 19 января 1919 года. В этот день Владимира Ильича ждали на ёлку дети лесной школы в Сокольниках. Неожиданные события задержали приезд вождя в Сокольники. Сложное, напряжённое было то время — первые послереволюционные годы.

Глава 1

Владимир Ильич любил спать при открытом окне. Даже зимой, если хорошо топили, приоткрывал форточку. Он любил просыпаться от согласного хруста шагов и песни кремлёвских курсантов. Их молодые го-

лоса волновали его. И хотя они пели «И как один умрём...», сильнее хотелось жить.

Зимой девятнадцатого года Владимиру Ильичу пришлось отказаться от своей привычки — дров не хватало, надо было беречь тепло. Однако, поднявшись утром, непременно подходил к окну, открывал форточку, и грудь наполнялась морозным воздухом.

Обычно в эти мгновения за его плечом появлялась Надежда Константиновна и напоминала о простреленном лёгком. Сегодня же её не было рядом, и можно было дышать сколько угодно. Но Владимир Ильич потёр руки и поспешно отошёл от окна.

Последнее время Надежда Константиновна чувствовала себя плохо. Она перенесла вторую операцию, и врачи настаивали на длительном отдыхе в санатории. Но где найти в России санаторий в суровом 1919 году?

На помощь пришёл старый друг — управляющий делами Совнаркома — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он разыскал в Сокольниках лесную школу и уговорил Надежду Константиновну незамедлительно отправиться туда.

Там, на Шестом Лучевом просеке, было так тихо

и покойно, что из чащобы Лосиного острова забредали доверчивые лоси. А голоса детей и их весёлая возня не мешали Надежде Константиновне, а напротив, успокаивали её. В семье Ульяновых трогательно любили детей.

Сегодня Владимиру Ильичу особенно не доставало Надежды Константиновны: накануне из Германии пришло известие о гибели немецких коммунистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Роза, Карл — верные товарищи! Карл был сердцем германской революции, Роза — её умом.

Владимир Ильич невольно подумал, что такое вполне могло случиться и с ним самим летом семнадцатого года, если бы сыщикам удалось напасть на его след. Но шалаш на болотистом берегу Разлива, стог сена, коса-литовка и пропуск на имя сестрорецкого рабочего Иванова, как шапка-невидимка, скрыли его от врагов. Он остался в строю, а вот Роза и Карл...

В прохладной комнате чай быстро остывал, и Владимир Ильич пил его торопливо, частыми глотками. Лёгкий, как осенний листок, ломтик хлеба и жёсткая

котлета — весь его завтрак — не требовали много времени.

Допив чай, Владимир Ильич снова подошёл к окну. Мела позёмка. День рождался серенький, низконебый. И красноармейцы с их неизменной песней так и не появились.

Владимир Ильич надел пиджак и направился к двери. Тут-то он и вспомнил, что сегодня 19 января и что он обещал приехать на ёлку в лесную школу, дал слово ребятишкам. Эта мысль просветлила его, словно любимый праздник собственного детства дохнул в лицо знакомым ароматом свежей хвои и замерцал огнями стеариновых свечей.

«Надо бы раздобыть молока для Нади», — подумал Владимир Ильич и вышел в коридор.

Глава 2

Уже больше месяца Надежда Константиновна жила в лесной школе в угловой комнате на втором этаже, куда вела деревянная винтовая лестница.

Обстановка была скромной: кровать, похожая на больничную, рядом тумбочка, под кроватью плетёная корзина с бельём, два стола — рабочий и обеденный, венские стулья с гнутыми спинками, кафельная печь.

Когда Надежда Константиновна впервые переступила порог этой комнаты, то с трудом добралась до постели. Легла, закрыла глаза и подумала: больше не встану. И вдруг за стеной послышались шум, гам, топот ног — это воспитанники лесной школы лавиной скатывались с лестницы. Надежда Константиновна открыла глаза, приподнялась на локте, и на губах затеплилась слабая улыбка.

Дети сразу почувствовали в Надежде Константиновне друга и частенько, тайком от воспитателей, пробирались в её комнату. Предметом общего ребячьего интереса было «тигровое» одеяло. Дети с опаской поглаживали мягкий рыжий ворс с чёрными полосами и спрашивали:

— Это из тигра? Из настоящего? Он кусался?

И Надежда Константиновна рассказывала им о тиграх.

Они были очень нужны друг другу: больная женщина и ребятишки, временно лишённые семьи.

В это серое воскресное утро Надежда Константиновна сидела за столом и по зёрнышку перебирала овсяную крупу, полученную в подарок. Она надеялась вечером угостить овсяной кашей Владимира Ильича и Марию Ильиничну, которых ждала на праздник ёлки.

И тут её слух уловил скрип ступеней и чьи-то тихие, осторожные шаги. Потом кто-то засопел под дверью, не решаясь войти.

— Войдите! — Надежда Константиновна повернулась к двери.

На пороге стояла худенькая девочка с длинной тонкой шейкой и личиком, в котором не было ни кровинки. Большие серые глаза были полны слёз.

— Ты что, Фросенька?

— Она пришла,— низким голосом ответила девочка.

— Подойди сюда. Кто пришёл?

— Мамочка,— сказала девочка, не трогаясь с места.— Она пришла босая по снегу...

— Боже мой! Почему же босая? — Надежда Константиновна поднялась со стула и подошла к девочке.

— Ботинки пропали. А она так скучала без меня... Ноги отморозила.

— Идём!

Фросина мать ждала в прихожей. Её тёмные, спутанные волосы колечками спадали на грубую шаль, глаза, ещё бóльшие, чем у дочери, смотрели удивлённо и радостно. Во всём её облике было что-то хрупкое, беззащитное, и вместе с тем в ней чувствовалась скрытая сила, готовая в любую минуту вырваться наружу.

— Здравствуйте, — сказала Надежда Константиновна, поправляя дужку очков.

— Здравствуйте, — женщина поклонилась, приняв Надежду Константиновну за начальницу.

— Садитесь. Покажите ваши ноги! — И сразу: — Боже мой! Идёмте ко мне наверх, я уложу вас в постель. Нужен спирт!

Но молодая женщина оставалась на месте.

— Я здоровая. Только ноги... Фросенька, ангелок мой, иди занимайся. Я сейчас уйду.

— Я с тобой,— девочка бросилась к матери, прильнула к ней своим худеньким тельцем.

— Девочка моя,— мать двумя руками прижала к груди головку девочки.— Со мной идти некуда. Ни кола, ни двора.

Тогда Фрося высвободилась из её объятий, куда-то убежала и тут же вернулась с двумя чёрствыми ломтиками хлеба.

— На, мамочка, ешь!

— Зачем ты от себя отрываешь?

— Нас здесь кормят... хорошо. Каждый день хлеб, а иногда вместо хлеба подсолнушки дают. Ты ешь, ешь!

Мать неуверенно поднесла хлеб ко рту и стала есть, стараясь не выдать голода.

Пришёл врач лесной школы. Растёр ноги несчастной женщины спиртом. Где-то разыскали старые закатанные валенки. Фросю уговорили уйти в свою группу.

— Представляете, какая сила любви у этой женщины, если она пришла к дочери босиком по такому морозу,— тихо сказала Надежда Константиновна.

Глава 3

Владимиру Ильичу нравились запахи весны: сырой дух разбуженной плугом земли, аромат травы, медовый запах жёлтых цветов одуванчиков. Может быть, потому пальма в кадке, стоящая в его кабинете, была ему дорогá. Среди холода и снега пальма была напоминанием о весне, от неё пахло землёй и травой. Владимир Ильич сам поливал пальму и влажной тряпкой протирал её листья.

Он вообще привык к своему кабинету, и окружающие его вещи стали как бы одушевлёнными. Он любил кафельную печку, особенно, когда она была тёплой и можно было прижаться к белым плиткам щекой и ладонями. Любил своё жёсткое рабочее кресло с плетёной спинкой. А зелёная лампа, удивительно похожая на ту, что Надежда Константиновна привезла ему в Шушенское, напоминала молодые годы. Только стенные часы он недолюбливал: часы то отставали, то убегали вперёд, сам же Ленин был человеком чрезвычайно пунктуальным и дорожил временем.

Когда Владимир Ильич заходил в свой кабинет, то

испытывал прилив сил. Приходилось решать множество вопросов, из которых добрая половина казалась неразрешимой. Всё время прибывали телеграммы с фронтов, из губернских городов, с заводов.

Вот и в этот день Владимир Ильич, как всегда, работал напряжённо. Но его не покидала мысль о Карле и Розе — организаторах Коммунистической партии в Германии. Он как бы видел их перед собой, слышал их голоса. Они жили в его памяти, в его сознании, и вместе с тем их уже не было, не существовало. Горечь подступала к сердцу... Хотелось снова и снова думать о них, но неотложные дела требовали внимания, отвлекали, уводили Ильича от погибших товарищей... Деникин, Юденич, Колчак... Северный фронт, Восточный... Стоят заводы, разрушен транспорт, не хватает оружия... Осьмушка хлеба, тонкая, как осенний лист... Карл, Роза...

В кабинет беззвучной походкой вошла Лидия Александровна Фотиева — секретарь Ленина. Сообщила, что вся Москва со знамёнами и транспорантами вышла на улицы — началась демонстрация против злодейского убийства немецких коммунистов.

ВЫ ЖИЛИ ГЕРОЯМИ
УМЕРЛИ МУЧЕНИКАМИ

Владимир Ильич отодвинул кресло, встал и вышел из-за стола. Некоторое время, потирая руки, он ходил по кабинету.

— У Московского Совета депутатов состоится митинг,— сказала Фотиева.

— Я еду туда! — Владимир Ильич сразу принял решение.— Пусть приготовят автомобиль.

— Только не простудитесь. Наденьте, пожалуйста, кашне, галоши...— убеждала Лидия Александровна: она аккуратно выполняла наказ Надежды Константиновны оберегать здоровье Ильича.

Чтобы не мешать демонстрантам, автомобиль ехал по краю мостовой. Снег валил хлопьями, и в этом летучем белом месиве, как языки пламени, реяли кумачовые знамёна.

Владимир Ильич опустил глаза и увидел пепельницу с вензелем Николая Второго. Каждый раз эта принадлежность автомобиля вызывала у него раздражение.

— Товарищ Гиль,— сказал он шофёру,— категорически прошу вас убрать эту царскую пепельницу. Во-первых, я не курю, а во-вторых, больше всех русских

царей ненавижу Николашку — «хозяина русского народа».

Автомобиль поравнялся с Московским Советом и остановился напротив подъезда.

— Ленин... Ильич... Ульянов...— горячий шёпот прошёл по рядам демонстрантов, когда Владимир Ильич решительным шагом направился к дверям Моссовета.

Глава 4

Ёлку для праздника срубили в глубине парка. Её осторожно положили на сани и повезли. Полозья скрипели под тяжестью лесной красавицы, ветви мели снег, а ребята шли рядом и поддерживали макушку, чтобы не сломалась. Ёлка представлялась детям дремлющим одушевлённым существом, которое в назначенный час пробудится и удивит всех огнями и красками.

Сани торжественно въехали во двор, створки дверей дома гостеприимно распахнулись — и окутанная

паром лесная гостья с трудом протиснулась в дверной проём. Оставляя на полу морозный, снежный след, она тяжело пересекла прихожую и, очутившись в зале, поднялась во весь рост, упёрлась тонкой макушкой в потолок.

Тяжёлые, не успевшие оттаять ветви наслаивались одна на другую и, уменьшаясь к вершине, образовывали ровную пирамидку, от которой исходил едва уловимый, таинственный дух приближающегося праздника.

Ребятам не хотелось уходить из зала: необычное событие — ёлка в доме, было для них в новинку, но их увели и дверь в зал закрыли.

— Вечером приедет Владимир Ильич, и зажгут лампочки и свечи.

Весь день радостное нетерпение мучило детей, и никакие обыденные дела не могли отвлечь их от ожидания праздника.

Короткий зимний день шёл на убыль, когда Надежда Константиновна, кутаясь в пуховый платок, по скрипучей лестнице спустилась вниз, в зал.

Здесь её поджидала воспитательница Вера Ворот-

никова. На ней был сильно поношенный кожушок и мальчишечья шапка с ушами. Под ушанкой были вьющиеся пепельные волосы, старательно собранные в две косички. Выпуклый лоб, ровные дуги бровей и тёмные глаза с голубоватыми белками делали её похожей скорее на девочку-гимназистку, чем на воспитательницу, тем более, что она донашивала своё гимназическое платье. От её порозовевшего на ветру лица пахло морозцем.

— Верочка, вы откуда? — обрадовалась Надежда Константиновна.

— Из церкви.

— Вот как! Что же привело вас в церковь?

— Ходила к отцу Епифанию за свечками.

— И чем закончились ваши переговоры со служителем культа?

Пухлые в трещинках губы девушки расплылись в улыбке.

— «Зачем вам, голубушка, свечи? Ведь большевики не верят в святое рождество?» — произнесла Верочка, подражая отцу Епифанию. — «Не верят, батюшка. Но ёлка, — говорю, — у нас есть, а свечей нет. Какая же

ёлка без свечей?» — «Без свечей,— согласился,— ёлка никакая. Значит, большевики не отменили ёлку?» — «Не отменили»,— говорю. А он: «Побожись!» Пришлось побожиться. Тогда отец Епифаний задумался, потом открыл тяжёлую крышку кованого сундука и отсчитал дюжину свечей. Добрым оказался батюшка. Сахар за свечи, правда, взял.

Верочка подняла руку, которую до этого момента держала за спиной,— в ней были зажаты жёлтые, тонкие, как макаронины, церковные свечи.

— Вы просто молодчина, Верочка! — воскликнула Надежда Константиновна.— Вот увидите, как обрадуется Владимир Ильич ёлке с настоящими свечками. Запах хвои и топлёного воска всегда напоминает ему детство, старый дом в Симбирске.

— А наши дети никогда не справляли ёлку,— заметила Верочка.

И вдруг, что-то вспомнив, сказала:

— Знаете, в Москве-то демонстрация.

— Демонстрация? — Надежда Константиновна удивлённо посмотрела на девушку.— Какая демонстрация?

— В Германии убили каких-то коммунистов... Его зовут Карл, а её...

— Роза?

Надежда Константиновна тяжело опустилась на длинную скамью и долго молчала...

— Они были нашими товарищами,— тихо сказала Крупская.— Товарищами по борьбе.

Глава 5

— Товарищи! Сегодня в Берлине буржуазия ликует — им удалось убить Карла Либкнехта и Розу Люксембург!

Ленин стоял на балконе Московского Совета. Ильич упёрся руками в перила и весь подался вперёд, словно хотел приблизиться к людям, пришедшим на митинг.

Снег слепил глаза, порывистый ветер стеснял дыхание, и голос звучал глухо.

Внизу, над морем шапок, платков, папах, алели знамёна. На транспорантах, написанных торопливо и

КРОВЬЮ
и
ЖЕЛЕЗОМ
НЕ УБИТЬ
СМЕРТЬ ПАЛАЧАМ

потому неровно, белым на красном выделялись слова: «Кровью и железом не убить волю пролетариата», «Вы жили героями — умерли мучениками!»

Владимир Ильич старался говорить громче, чтобы его слышали как можно больше людей, и всё перегибался через перила балкона. А в конце речи сделал глубокий вдох и, сжав руку в кулак, выкрикнул:

— Смерть палачам!

И многотысячная толпа, как могучее эхо, усилила и повторила:

— Смерть палачам!

Духовой оркестр заиграл «Интернационал». Демонстрация двинулась дальше по Тверской. А Ленин долго стоял на балконе и махал рукой, словно провожал уходящих в бой.

Глава 6

Питомцы лесной школы хорошо помнили обещание Владимира Ильича приехать к ним на ёлку. И ближе к вечеру начали расспрашивать взрослых:

— Он приедет? Он не забыл? Когда же приедет дедушка Ленин?

И взрослые терпеливо отвечали:

— Помнит. Не забыл. Приедет.

Впрочем, взрослые сами тревожно ждали того часа, когда в белой дали просека послышится звук клаксона и между заснеженными деревьями покажется большой тёмный автомобиль.

Как хорошо был знаком обитателям лесной школы этот автомобиль! Каждый раз, когда Владимир Ильич приезжал сюда, встречающие его дети вскакивали на длинную подножку, забирались на бархатные сиденья бывшего царского автомобиля, и с разрешения дедушки Ленина товарищ Гиль, человек сухой и строгий, катал их по Сокольническому парку. Очередь соблюдалась строго: тот, кто катался в прошлый раз, никогда не садился в автомобиль, а стоял, с завистью поглядывая на счастливцев.

Сегодняшний день был метельным. Деревья покрылись шапками снега, и все пути-дороги были заметены. Но дети поджидали Ильича на улице, хотя мороз уже начал пощипывать носы и подбородки.

— Верочка, мы совершенно забыли про свечи,— сказала Надежда Константиновна юной воспитательнице,— а Владимир Ильич уже скоро приедет. Звонила Маняша. Они там достали для меня молоко. Ну зачем оно мне! Ладно, сварим детям их любимый молочный кисель.

Верочка принесла табуретку. Поставила её под ёлку, и они принялись за дело. Надежда Константиновна подавала свечи, девушка ловкими пальцами прикрепляла их к тяжёлым ветвям.

В зале затопили печь. Весело потрескивали поленья. Ёлка наконец оттаяла, и от неё повеяло ни с чем не сравнимым ароматом хвои.

Стемнело. В доме зажгли огни. Детей, несмотря на протесты: «Мы ещё подождём! Ещё немножко!» — привели в дом, и теперь они на втором этаже пели, готовились к празднику.

Несколько раз Владимир Ильич порывался встать из-за стола, но его удерживали телефонные звонки. Телефонная связь работала с перебоями, с треском,

голоса хрипели, словно вся огромная страна была простужена.

Когда Ильич последний раз положил трубку, на часах было уже полшестого.

Он решительно вышел в приёмную. Надел пальто — каракулевый воротник шалькой, шапку-ушанку. Лидия Александровна протянула ему кашне, иначе бы он наверняка забыл его.

— Где Мария Ильинична?

— Уже давно в автомобиле.

— Спасибо. Я еду в лесную школу. На ёлку.

Автомобиль стоял у подъезда. Задняя дверца распахнулась, скрипнули пружины — Владимир Ильич сел рядом с Марией Ильиничной, младшей сестрой.

— Не замёрзла? — спросил Владимир Ильич.

— Я тепло оделась.

— Хорошо, — Владимир Ильич наклонился к переговорной трубке, которая соединяла салон с кабиной шофёра:

— Поехали, товарищ Гиль.

Машина тронулась с места и покатила среди сугробов к Никольским воротам.

— Помнишь, Маняша, ёлку у нас дома, в Симбирске? — неожиданно спросил Владимир Ильич.

— С годами всё реже вспоминаю те времена, — призналась сестра.

Владимир Ильич закрыл глаза:

— А я хорошо помню последнюю ёлку в нашем доме.

В доме Ульяновых ёлку устраивали в гостиной. Дети убирали её хлопушками, золочёными орехами, канителью, марципанами. А свечи зажигал сам отец — Илья Николаевич. Потом он задувал керосиновую лампу. Аня садилась за рояль...

И тогда начиналась игра в Брыкаску. Кто-то надевал вывернутый наизнанку тулуп — и таинственный, лохматый, словно пришедший из сказки, носился по дому, наводя на малышей радостный ужас. Брыкаска! Брыкаска! Все бежали, прятались и снова бежали. А потом Брыкаска вдруг исчезал, а на вешалке появлялся пахнущий валенком тулуп...

Автомобиль пересек площадь и выехал на Мясницкую.

Владимир Ильич посмотрел в окно автомобиля. На перекрёстках горели костры, и от людей, которые тянули руки к огню, ложились длинные, трепещущие тени. Хлопья снега таяли в клубах дыма, и у костров как бы не было снегопада.

Глава 7

Было уже совсем темно, когда в глубине Сокольнического парка послышались винтовочные выстрелы. Они звучали надсадно, раскалывая тишину пустынного парка.

Но в лесной школе никто не слышал перестрелки. Там всё было спокойно.

У крыльца лесной школы осадил коня всадник в длинной шинели, в мохнатой меховой шапке. При свете фонаря виднелись только глаза, тёмные и блестящие. Всадник соскочил с коня и снял через голову винтовку. Он был невысок ростом, и в его руках винтовка выглядела непомерно длинной.

Привязав лошадь, он вбежал на крыльцо и несколь-

ко раз нетерпеливо дёрнул за ручку звонка. Внутри дома зазвенел колокольчик.

Надежда Константиновна открыла дверь и увидела незнакомца.

— Здравствуйте. Что вам нужно, товарищ?

— Телефон. Телефон есть у вас? — даже не поздоровавшись, спросил боец.

Надежда Константиновна успела заметить, что он молод и чем-то встревожен.

— Да, конечно, — ответила она. — Что-нибудь случилось?

Но незнакомец уже сам увидел висевший на стене деревянный аппарат и бросился к нему. Быстро снял трубку и начал крутить ручку.

— Барышня! Барышня! Скорее! 18-35... Дежурный? Товарища Кулагина! Как так нет товарища Кулагина? Кто говорит? Сотрудник милиции Воротников. Я звоню из Сокольников. Шестой Лучевой просек. Какой-то богатый дом, весь в огнях. Слушай, на Пятом Лучевом просеке мы наткнулись на банду. Они отстреливаются. Мне приказали доложить товарищу Кулагину. Барышня, барышня, да не разъединяйте вы! Ради бога! Де-

журный! Если их не окружить — уйдут. Нет, не пройдёт здесь автомобиль. Всё замело снегом. Только на лошадях! Есть! Есть оставаться на посту и держать связь!

Он кончил говорить, и, когда вешал трубку, рука его дрожала, он никак не мог попасть на рычаг.

И в эту минуту Вера кинулась к молоденькому милиционеру:

— Павлик! Братик! Ты вернулся!.. Ты вернулся!

— Верка! Ты-то как здесь очутилась?

— Я здесь работаю. Воспитательницей. И здесь вовсе не буржуйский дом, а лесная школа.

Она крепко обняла брата — и тут шапка упала со стриженой головы юноши.

— Где твои шелковистые волосы, Павлик? — воскликнула Вера и ладошкой провела по коротким, покалывающим волосам.

— Называй меня, пожалуйста, Павлом, — тихо попросил брат. — Я ведь сотрудник рабоче-крестьянской милиции. Как мама?

— Всё прислушивается к шагам. Ждёт тебя.

— Времени нет съездить в Подольск — служба, —

Павлик поднял на сестру глаза.— А о маме я всё время думаю, и мне кажется, что она обо мне всё знает.

— Да ничего она о тебе не знает! — вырвалось у Веры.— Теперь в каждом доме погибший или пропавший без вести!

— А к нам скоро Владимир Ильич приедет,— неожиданно сообщила Вера.

— Ленин? — Павлик порывисто сжал винтовку.— Здесь идёт перестрелка, бой. Сюда нельзя Ленину!

Надежда Константиновна изменилась в лице. Не говоря ни слова, она решительно подошла к телефону и стала звонить.

— Барышня, пожалуйста, приёмную Совнаркома! Лидия Александровна, можно попросить к аппарату Владимира Ильича? Нет? Уехал?.. Попробуйте позвонить на Никольские ворота... Уехал двадцать минут назад? — и уже упавшим голосом сказала: — Ему бы лучше не ехать. В Сокольниках сильные заносы...

И повесила трубку.

— Опоздали!

Она сразу почувствовала слабость, ноги стали ватными.

— Я сейчас же поскачу навстречу Ленину! — воскликнул Павлик. — У меня конь... Если прошло только двадцать минут, я успею. Встречу! Ждите!

Он надел большую мохнатую шапку и сразу стал старше.

Уже в дверях шепнул сестре:

— Какая славная эта учительница.

— Это не учительница, — ответила Вера, — это жена Ленина. Береги себя, Павлик. Я буду ждать!

Потом она стояла на крыльце, пока конь и всадник не слились с вьюгой, с деревьями.

Глава 8

Москва погрузилась во тьму.

Редкие керосиновые фонари светили тускло.

Возникающие вокруг них островки света были крайне малы.

Улицы почти не очищались от снега, и автомобиль Владимира Ильича ехал по колеям, накатанным за день санями. Два ровных снопа света, идущих от вы-

пуклых автомобильных фар, выхватывали из темноты белые ухабы и фигуры редких прохожих.

Время было тревожное, и люди почитали за благо не выходить на улицу, когда темнеет. В Москве действовало много разных шаек и банд. Каждый день приносил новые известия о дерзких налётах, ограблениях, убийствах милиционеров. В милиционеров бандиты стреляли из-за угла, и первые блюстители порядка Советской страны шли на пост, как в бой. Никто не был уверен, что вернётся с поста в свою часть.

Автомобиль председателя Совета Народных Комиссаров миновал вокзальную площадь. Самих вокзалов не было видно, они тонули во тьме, и только хриплые паровозные гудки как бы сообщали: здесь вокзал, здесь вокзал...

В Сокольниках дорога была неразъезженной, вся в ухабах.

И вдруг автомобиль тряхнуло.

— Стой! Стой! — донёсся снаружи приглушённый ветром голос.

В лучах света фар возникли какие-то фигуры в ши-

нелях. В руках они держали наганы. Тонкие стволы были направлены на автомобиль.

— Это патруль? — спросил Ленин шофёра.

— Вряд ли, — Гиль резко повернулся и предложил: — Проскочим, Владимир Ильич?

Глава 9

С момента, когда Павлик Воротников ускакал навстречу Ленину, чтобы предупредить его об опасности, Надежда Константиновна больше не поднималась к себе.

В пустом зале, прижавшись к кафельной печке, она прислушивалась к малейшему звуку, доносившемуся с улицы.

Вера неотступно была рядом. Она всё ещё не могла прийти в себя после неожиданного появления брата. В последний раз они виделись в родном доме, когда брат был совсем мальчиком, недавним гимназистом. Теперь же Павлик предстал перед ней в серебристой от инея шинели, с оружием. Это был совсем другой

Павлик — незнакомый, стриженый, огрубевший. И всё же бесконечно родной.

— Надежда Константиновна, вы очень волнуетесь? — спросила Вера.

— Ах, Верочка... — Надежда Константиновна помолчала, словно оглянулась на свою жизнь, и снова заговорила: — Сколько раз мне приходилось ждать Владимира Ильича и знать, что он в опасности. Его выслеживали шпики, пытались упрятать в тюрьму жандармы, в него стреляли. Профессия революционера трудная...

Как медленно тянется время, когда ждёшь! Кажется, что часы занесло снегом и они замедлили шаг. Уже в который раз Вера набрасывает на плечи кожушок и выходит на крыльцо. Ветер бросает в лицо колючий снег. Нет, не урчит вдали автомобильный мотор. Тихо.

Из темноты возникает конская голова. Самого коня не видно, но сквозь мутную, плотную кисею метели проступают большие печальные глаза, уши топориком, заснеженная чёлка. И в самом деле — конь! От бархатистых ноздрей веет теплом. Вера протягивает руку и чувствует, как ладонь покалывают короткие, покрытые

инеем реснички. «Кто ты? Что ты здесь делаешь, друг?»

Она возвращается в дом. Отряхивает с кожуха снег. Подходит к скамье и садится рядом с Надеждой Константиновной.

— Он всегда был смел и отважен,— говорит Надежда Константиновна, продолжавшая думать о Владимире Ильиче.

И вдруг её память воскрешает первую встречу с Ильичём — на конспиративной вечеринке с масленичными блинами, у инженера Классона... Усы, небольшая клиновидная бородка, тёмно-карие глаза, в уголках глаз морщинки... Надежда Константиновна начинает рассказывать Верочке про молодого Ульянова, который — смешно! — слыл сухарём, знал-де только Маркса и, как говорили, за всю жизнь не прочёл ни одного романа.

— Я была молоденькой учительницей воскресной школы, стеснительной до крайности. И решила заставить «сухаря» прочесть хотя бы «Отцы и дети» Тургенева. Взяла в библиотеке книгу...

— И заставили? — нетерпеливо спрашивает Верочка.

— Опозорилась! «Сухарь», оказывается, ещё в гимназические годы прочёл всего Тургенева! Очень любил литературу, музыку... А потом мы стали друзьями, товарищами по революционной борьбе.

Потом его арестовали...

И Надежда Константиновна рассказывает, как она приезжала на Шпалерную улицу, гуляла по тротуару, а он смотрел на неё из окна тюрьмы. Однажды она три дня приходила кряду, а охранники не выпустили его в тюремный коридор, где было окошко на улицу.

Надежда Константиновна улыбается своим мыслям, своим воспоминаниям. А Вера не спускает с неё глаз, словно хочет проникнуть в глубину её памяти.

— Потом я получила письмо, написанное «химией».

— Химией? — удивилась Вера.

— Ну да, обычно письма на волю он писал между строчек какой-нибудь книги молоком, а чернильницы лепил из хлеба. Когда появлялся надзиратель, приходилось спешно глотать «чернильницу». Однажды Ильичу пришлось съесть шесть чернильниц подряд. И вот я получаю книгу, провожу по страницам горя-

чим утюгом — и вместо текста листовки, которого я ожидала, возникают необычные, неожиданные слова: «Прошу стать моей женой». Потом мы с мамой ехали в Шушенское, к Володе, в ссылку. Через всю Россию. Я везла в подарок зелёную лампу. Счастливое было время...

И вдруг в лесной школе нетерпеливо зазвенел колокольчик. Обе женщины поднялись. Младшая бросилась к двери, старшая поспешила за ней, на ходу поправляя волосы.

Дверь распахнулась. На пороге — человек в шинели.

— Павлик! — крикнула Вера.

— Я — Кулагин, — представился неожиданный гость и вошёл, затворив за собой дверь. — Где Воротников?

— Он узнал, что к нам едет товарищ Ленин...

— Товарищ Ленин? А нам ничего не известно! — воскликнул Кулагин и даже покраснел от возбуждения.

— Павлик поскакал ему навстречу. Он очень спешил... Павлик...

— Да какой Павлик! Сотрудник милиции Воротников! — жёстко поправил Кулагин.

— Он её родной брат, — пояснила Крупская.

Кулагин резко распахнул дверь.

— Я поскачу за ним. Конь у вашего крыльца мне не нравится!

— Почему ему не нравится конь у нашего крыльца? По-моему, очень хороший конь, — говорит Вера.

Надежда Константиновна старается не смотреть в глаза девушке.

А в это время сотрудник рабоче-крестьянской милиции Воротников лежал в сугробе с перебитой пулей рукой. Рядом с ним на снегу был чётко отпечатан ребристый след автомобиля.

Глава 10

Ревел ветер, перемешанный со снегом.

Владимир Ильич всё-таки распорядился остановить автомобиль, и тогда на подножки вскочили вооружённые люди, распахнули дверцы.

— Выходи! Быстро! Быстро!

Первым заговорил Ленин:

— В чём дело, товарищи?

Он думал, что имеет дело с патрулём и что сейчас всё уладится.

— Без разговоров! — оборвал его худой, скуластый человек в шинели. В маленькой костистой руке он держал наган.

Чёрный глазок нагана смотрел острой пустотой. Он был очень близко от сердца. И Владимир Ильич вспомнил булыжную мостовую перед заводом Михельсона, невысокую женщину с тонкими губами и птичьим носом.

Почему она сейчас возникла в памяти? Ах да, из её рук смотрел такой же холодный глазок револьвера. А потом глазок мгновенно наполнился огнём, грохотом, болью...

Владимир Ильич почувствовал, как заныло левое плечо, раненное в тот августовский день, и подумал: «Обидно погибнуть от пули бандита».

Где-то близко послышался вдруг резкий голос Маняши:

— Осторожно, в бидоне молоко для больной. Вы знаете, чей автомобиль вы собираетесь сейчас отобрать?

В луче фар Ильич увидел сестру.

Сейчас в её взгляде была решимость, а голос звучал твёрдо:

— Что вы делаете? Ведь это товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты!

— Уголовникам никаких мандатов не надо! — Бандит в шинели всё ещё держал наган наготове. И было неизвестно, сунет он оружие в карман или выстрелит.

Другой, высокий, в ушанке, крикнул:

— Поехали!

И бандиты, как по команде, бросились к автомобилю. Захлопнули дверцы. Заревел мотор. Автомобиль резко сорвался с места. И скоро растворился в темноте.

Мария Ильинична легонько потянула брата за рукав:

— Володя, идём! Они уж не вернутся.

— Я думаю совсем о другом. Обидно за наше го-

сударство, за молодое, неокрепшее,— тихо отозвался Владимир Ильич.— А смерти я не боюсь.

Никто и никогда не видел Ленина расслабленным. И теперь движения его были чёткими, даже резковатыми.

— Пошли,— сказал он и решительно зашагал во тьму к дому, у которого горел единственный в округе керосиновый фонарь.

Глава 11

Как ни старалась Надежда Константиновна отогнать от себя тревожные мысли, они всё больше и больше одолевали её...

На лестнице послышались шаги — спускалась Верочка.

— Дети поужинали,— сообщила она.— Всё ждут: когда же дедушка Ленин приедет?

Побывав у детей, Вера немного успокоилась. А Надежда Константиновна всегда располагала её к откровенности, и девушка заговорила о своей жизни.

— В гимназии мне казалось, что учителям всё известно. Оказывается, они рассказывают только то, что знают. И задают задачи, которые могут решать сами. Теперь я поняла, что существует много задач, которые учителя не могут решить. Я учу детишек, а сама так мало знаю.

— Кончится Гражданская война,—сказала Надежда Константиновна,—пойдёте учиться. Будете знать куда больше, чем ваши гимназические наставники. Попробуем зажечь свечи?!

— Давайте!

И две истомлённые ожиданием женщины подошли к ёлке, чиркнули спичками и стали одну за другой зажигать свечи.

— Как красиво! —воскликнула Вера.—Пахнет мёдом, и кажется, слышно, как жужжат пчёлы.

Надежда Константиновна прислушалась, но вместо жужжания пчёл вдруг раздался резкий звонок колокольчика.

На пороге стоял Кулагин. На руках он держал бесчувственного бойца.

— Павел... Воротников,—сказал он.

Глава 12

Вход в Сокольнический Совет Владимиру Ильичу и его спутникам преградил дежурный. При свете фонаря он выглядел суровым, непроницаемым часовым. Полушубок, подпоясанный ремнём, два подсумка с патронами, серая солдатская папаха, оставшаяся от службы в царской армии, в руках винтовка. Неровные, нависающие на глаза брови, густые, подпирающие нос усы, щёлочки глаз.

— Нам нужен председатель Совдепа,— решительно сказал Ленин.

В ответ дежурный выдохнул короткое, грозное слово:

— Мандат!

А вот мандата у Ильича не оказалось.

Было совершенно очевидно, что никакие уговоры не сломят дежурного. Не пустит он в Совет без документа. Но, к счастью, у Гиля оказался мандат.

Тяжёлая дверь отворилась. Щёлкнул выключатель. Зажёгся свет. Владимир Ильич и его товарищи очутились в холодном вестибюле. Не говоря ни слова, де-

журный неслушающимися от холода руками снял трубку и долго крутил ручку. А потом переговаривался.

— Председатель сейчас будет,— наконец сказал он.— Пошли!

И, придерживая винтовку, стал подниматься на второй этаж.

Владимир Ильич всё ещё находился под впечатлением происшедшего.

— Хороши мы,— негодовал он, поднимаясь наверх,— вооружённые люди, а отдали автомобиль бандитам.

— Мы же стояли под дулом револьвера,— заметил шофёр.

В это время внизу хлопнула дверь и послышались приближающиеся шаги. В кабинет вошёл человек в кожаном пальто и в фуражке, которая сидела высоко на его густых тёмных волосах. Лицо его порозовело от мороза, а голубые глаза внимательно осматривали нежданных гостей.

— Здравствуйте, товарищи! Я — председатель Совдепа. Кто вы?

Председатель по военной привычке поднёс руку к козырьку.

— Я — Ленин, — сказал Владимир Ильич.

Рука председателя так и замерла у козырька.

— Владимир Ильич? Ульянов-Ленин?.. Затопить печь?

От неожиданности он не знал, что делать, вот и предложил затопить печь, что по тем временам было проявлением высшего гостеприимства.

— Топить не надо, — отозвался Владимир Ильич и впервые с момента происшествия улыбнулся. Но в следующее мгновение его лицо снова стало серьёзным. — Товарищ председатель, на нас напали неизвестные люди, отобрали автомобиль. Это безобразие. Грабят рядом с Совдепом.

Председатель стоял, опустив глаза, а голос Ленина звучал решительно и строго.

— Терпеть такое безобразие дальше нельзя. Надо энергично взяться за борьбу с бандитизмом. И немедленно!

Председатель смотрел смущённо, вытянув руки по швам.

— Владимир Ильич,— сказал он.— Мы боремся. Но каждый день из-за угла убивают милиционеров...

Владимир Ильич сочувственно покачал головой. И задумался. Он вдруг представил себя на месте этого молодого председателя Совдепа. Как трудно ему, должно быть, терять товарищей, и какой твёрдостью должен обладать человек, чтобы завтра снова посылать людей на посты и не быть уверенным, что они вернутся.

Как трудно!

Глава 13

Раненый милиционер лежал на старом кожаном диване под тигровым одеялом Надежды Константиновны. Его глаза были плотно закрыты. И большие тёмные ресницы делали его бледное юное лицо по-девичьи нежным. Горячий полуоткрытый рот тяжело дышал.

— Он будет жить?.. Он будет? — поминутно спрашивала Вера.

Её лицо было таким озабоченным, таким тревожным, что девушка выглядела старше своих лет. Словно за какие-то минуты жизни прошла долгий тяжёлый путь.

Доктор прикладывал ко лбу раненого холодные компрессы и время от времени слушал пульс, при этом смотрел на часы.

Верочка насторожённо стояла за спиной врача и, казалось, сама испытывала боль, страдала.

— Он будет жить?.. Он будет?..

— Будет,— терпеливо увещевала Веру Надежда Константиновна,— молодой организм выдержит, всё переборет.

Надежда Константиновна куталась в свой большой платок и никак не могла согреться. Выбившаяся из причёски прядь волос спадала на щёку, очки сидели неровно.

Она из последних сил старалась держаться, но волнение прорывалось, выдавало себя. Слишком тяжким было её ожидание.

— Верочка, я не знаю, что ждёт меня впереди. Где Ильич? Что с ним? Была бы помоложе, сама бы

бросилась на поиски. Нет ничего страшнее сознания собственного бессилия.

Она подошла к окну и прислонилась горячим лбом к стеклу. Завывал ветер, и снежная карусель кружила вокруг фонаря...

А на втором этаже дети ждали праздника. Они не знали, что внизу, в зале, где ёлка, лежит раненый боец.

— Где Владимир Ильич? — это были первые слова, которые произнёс Павел, придя в себя.

— Это я вас хотела спросить... Всё ждала, когда вы очнётесь.

— Автомобиль промчался мимо, — ровным голосом ответил раненый. И замолчал. Как бы весь ушёл в себя. Но не впал в забытьё. Напротив, напряг память.

— Автомобиль я сразу заметил. Я думал, Ильич там. Замахал рукой, закричал: «Стойте!» И тут дверца приоткрылась и захлопали выстрелы... Как я попал сюда?

— Вас принёс товарищ Кулагин.

На втором этаже запели дети.

Глава 14

— Владимир Ильич, вы живы?

Перед Лениным стоял высокий человек в заснеженной шинели. Он тяжело дышал, а на его лице теплилась счастливая улыбка.

— Жив! — ответил Ильич и тоже улыбнулся. — А вы располагаете иными сведениями?

Вопрос Владимира Ильича смутил Кулагина.

— Только что на вашем пути ранили милиционера, — пробормотал он.

— Вы говорите, ранили? — Владимир Ильич внимательно посмотрел в лицо незнакомцу. — Опасно ранили?

— В руку, товарищ Ленин. Он скакал навстречу вам из лесной школы.

— Как он попал туда? — удивился Ленин.

— Совершенно случайно. Ему нужен был телефон. И вдруг он узнал, что вы едете. А в парке милиционеры наткнулись на банду... И он поскакал, чтобы предупредить вас.

долой империалист
міра

— Смотри, Маняша, какая история! — воскликнул Владимир Ильич, обращаясь к сестре. — Из огня да в полымя. Как ваша фамилия?

— Кулагин, — представился незнакомец. — Товарищ Ленин, там, в лесной школе, очень волнуются! И Надежда Константиновна, и дети.

— Да, да, мы сейчас едем. Передайте, пожалуйста, милиционеру мою благодарность. Как зовут милиционера?

— Павел Воротников.

— Воротников, — повторил Владимир Ильич, чтобы лучше запомнить.

В дверях появился дежурный.

На этот раз вместо винтовки он держал медный чайник. Сверкающий, пышущий жаром медный чайник сразу превратил сурового солдата в радушного хозяина.

— Кипяток готов! — весело отрапортовал он и поставил чайник на край стола.

— У нас времени нет. Вы уж извините, товарищ, — ответил Владимир Ильич. — Нам пора.

И направился к выходу.

Глава 15

Состояние Павлика было тяжёлым. Но он был в сознании. И когда в дверях появились седые от мороза милиционеры, не захотел ехать в больницу, просил повременить, чтобы дождаться Ленина.

— Он приедет... Обязательно приедет.

Уверенность в том, что Ильич приедет, что с ним ничего не случится, передалась всем. Даже Надежда Константиновна почувствовала себя спокойнее.

— Надо ехать,— решительно сказала Вера и торопливо натянула свой кожушок и мальчишескую шапку с ушами.

— До свидания, Павлик,— сказала Надежда Константиновна, наклоняясь к молодому милиционеру.— Спасибо вам. А Ильича вы ещё увидите. Поправляйтесь!

Товарищи подошли к раненому, чтобы помочь ему, но он отказался:

— Я сам!

И стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, мед-

ленно оторвался от дивана. Скрипнули пружины. Вера осторожно накинула ему на плечи шинель.

Надежда Константиновна проводила его до двери. В руках она держала тигровое одеяло.

— Возьмите. Накройтесь в дороге.

— Спасибо. У нас есть тулуп,— сказал один из милиционеров.

Павлик с трудом дошёл до двери и оглянулся. И тут его взгляд встретился с большими серыми глазами — худенькая девочка, неизвестно откуда взявшаяся, бесшумно шла за ним.

— Кто ты? — спросил Павлик.

— Фрося,— отозвался низкий голос, и лёгкая, худенькая рука протянула ему ломтик хлеба.— Ешь, это как лекарство.

— Фросенька, иди немедленно наверх,— стараясь быть строгой, сказала Вера.— Хлеба ему не надо.

— А дедушка Ленин скоро приедет? — спросила девочка, всё ещё держа на весу руку с хлебом.

— Скоро. Скоро приедет дедушка Ленин,— ответил Павлик и здоровой рукой нахлобучил мохнатую шапку на стриженую голову.

Когда Павел, пошатываясь, вышел на крыльцо, из темноты выплыла тёмная лошадиная голова. И он почувствовал на щеке тёплое дыхание.

— Орлик! — ласково позвал Павлик.— Друг...

Конь признал хозяина и тихо заржал.

Раненого уложили на сено, которое было набросано на дне саней, и накрыли большим караульным тулупом. Вера и два милиционера сели рядом.

— Но! Пошла!

Сани дрогнули и поплыли по снежной дороге. Орлик преданно затрусил сзади.

Когда в сопровождении грузовичка с охраной автомобиль Владимира Ильича въехал в Сокольнический парк, там было тихо и спокойно. И трудно было себе представить, что ещё совсем недавно здесь гремели винтовочные выстрелы, и облепленные снегом всадники белыми призраками метались по безлюдным просекам.

Автомобиль двигался медленно. В это время впереди показались розвальни. Шофёр затормозил. Ло-

шадь свернула в сторону, объезжая автомобиль. Владимир Ильич увидел ещё одну лошадь под седлом, без всадника. Она шла за санями.

Шофёр, впервые ехавший этой дорогой, приоткрыл дверцу.

— Это Шестой Лучевой просек?

— Шестой,— отозвались из саней.

— До лесной школы далеко?

— Да нет... Впереди светится.

Розвальни заскользили дальше. Шофёр захлопнул дверцу. Поехали.

Впереди, сквозь завесу снега, показались огни лесной школы.

«Наконец-то!» — подумал Ленин и почувствовал такую усталость, словно весь путь проделал пешком. Ему показалось, что он не сможет подняться и дойти до крыльца. Но когда скрипнул снег и автомобиль остановился, сразу вышел и торопливо направился к дому.

Поднявшись на крыльцо, Владимир Ильич взялся за ручку звонка, но дверь отворилась раньше, чем зазвенел колокольчик. Перед ним стояла Надежда Кон-

стантиновна. Её глаза были широко раскрыты, губы дрожали. Ей хотелось немедленно расспросить его обо всём, но она так волновалась, что не произнесла ни слова — молча смотрела на Ильича.

Из дома доносился топот ног и голоса детей.

В зале огнями светилась ёлка.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Яковлевич ЯКОВЛЕВ

ДОРОГА В СОКОЛЬНИКИ

Художник Н. В. Лямин

Редактор Е. Рыжова
Художественный редактор Д. Пчелкина
Техинческий редактор Н. Житенева
Корректор Н. Шадрина

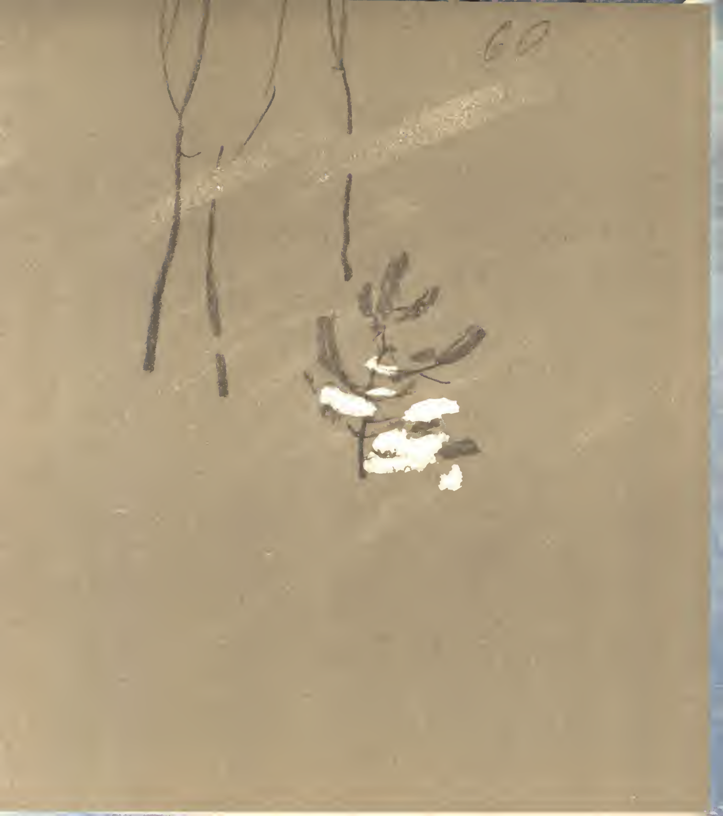
ИБ № 1495

Сдано в набор 30.05.83. Подписано в печать 6.02.84. 84×90[1]/[16]. Офс. № 1. Гарнитура журн.-рубл. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 30,0. Уч.-изд. л. 5,12. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1223. Заказ № 2236. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Малыш» 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Я $\frac{4803010102—005}{М102(03)—84}$ 5—84

© Издательство «Малыш» 1984

1 р. 10 к.